

РАЗДЕЛ II. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

УДК 821.161.1.09"17/18"

А. Н. Пашкуров

Казанский (Приволжский) федеральный университет
anp.72@mail.ru

АКСИОЛОГИЯ РУССКОЙ «СЛЁЗНОЙ ДРАМАТУРГИИ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕС М. Н. МУРАВЬЕВА)

В статье рассматривается эволюция тем «слезной» («чувствительной») драматургии конца XVIII – начала XIX веков в художественном мире М. Н. Муравьева («Дидона», «Болеслав», «Простосердечная, или Сила первой склонности», «Добродетельная ложь», «Доброе дитя»), делаются выводы о влиянии этого явления на поэтику русского сентиментализма и в целом на последующий литературный процесс. Особое внимание уделяется ценностному (аксиологическому) аспекту позиции писателя-просветителя. Исследование проведено с привлечением данных научных разысканий XIX–XXI веков.

Ключевые слова: «слёзная драматургия», проблемы сострадания и раскаяния, эволюция русского сентиментализма, русская драматургия рубежа XVIII–XIX веков.

A. N. Pashkurov

Kazan (Near-the-Volga) University of the Russian Federation
anp.72@mail.ru

AXIOLOGY OF RUSSIAN "TEARFUL DRAMA" (A CASE STUDY OF PLAYS BY MIKHAIL MURAV'YOV)

The report deals with evolution of "tearful" ("sentimental") drama themes in the late 18th – the early 19th centuries in artistic world of Mikhail Murav'yov ("Dido", "Boleslaw", "The Simple-Hearted Maiden, or Power of the First Liking", "White Lie", "The Kind Child"); conclusions of the influence of this phenomenon on of Russian Sentimentalism poetics and on subsequent literary process on the whole are made. The main attention is paid to value-based (axiological) aspect of the writer-enlightener's position. The study was carried out with the involvement of the investigation findings of the 19th – 21st centuries.

Keywords: "tearful" dramaturgy, compassion and repentance problems, Russian sentimentalism evolution, Russian dramaturgy at turn of 18th and 19th centuries.

«Слезная» драматургия сыграла в истории русской литературы и в генезисе ее нравственных ценностей весьма значительную роль¹. В определенной степени, на примере этой совершенно особой жанровой системы можно говорить о подлинном «эпицентре» духовных поисков русской классической литературы на ее путях к Золотому XIX веку. Явившись в нашей литературной культуре в XVIII столетии, «слезные пьесы», как и многие другие феномены, испытали, что бесспорно, очевидное и глубокое влияние новоевропейской культуры и ее аксиологии. Авторитетный исследователь драматургии Б. В. Варнеке указывал в свое время на приоритетную роль французской литературы в истории жанра (Детуш, ла Шоссе) (3).

Однако несколько ранее для известного литературоведа П. В. Владимирова (1883) неоспоримым был также факт оригинальных народных корней русской «слезной драмы» рубежа XVIII–XIX веков. В том числе ученый отметил как один из возможных истоков жанра – «безыскусственные народные драмы» с фольклорными ритуалами (4, 1) и миракли на сюжеты древнерусских житий (4, 5).

В XX веке, в исследовательской литературе 1980-х – 1990-х годов, для обозначения жанра стало использоваться и несколько иное понятие – «сентиментальная драма» (5; 11), что не случайно, поскольку в 1750-е годы первые для России пьесы нового типа стали появляться как раз в творчестве писателей, вставших у истоков направления сентиментализма. Напри-

мер, одним из произведений, открывающих «слезную» традицию в русской драматургии этого времени, принято считать «Венецианскую монахиню» (1757) М. М. Хераскова.

И все же ограничивать явление «слезной» драматургии только сентиментализмом неверно.

Еще на заре своего существования «слезная» драматургия прекрасно сочеталась (причем уже в 1750-е – 1770-е годы!) с характерным для идей Просвещения жанром комической оперы, а в XIX веке, уже после ухода сентиментализма с литературной авансцены, многое дала жанрам мелодрамы и водевиля в предпушкинскую и пушкинскую эпоху – в драматургии², и «низового» романа – в прозе массовой литературы.

Понятием «слезной», а не «сентиментальной» драмы широко оперировали и европейские мыслители XVIII века (Дидро, Вольтер). К примеру, Дидро, обратившись к философии жанров «слезной» драматургии, сделал такое вполне определенное заключение: драма здесь находится в «золотой середине» «между веселой комедией и высокой трагедией ... и составляет верх и совершенство» (3, 286).

Перед выдающимися представителями казанской академической литературоведческой школы – Н. Н. Буличем (в 1850-е – 1860-е годы), и Б. Варнеке (1900-е годы) – вопрос о специфике «слезной» драматургии в России XVIII – начала XIX века стоял уже во всей полноте, и при этом решался ими и обстоятельно и интересно.

Н. Н. Булич в монографическом исследовании, посвященном эпохе Сумарокова (1854), подчеркивает, что «глубокое всемирно-человеческое содержание» (1, 138) начинает переходить в русской драматургии ко второй половине XVIII века в новые формы художественного воплощения. Главным, отмечает исследователь, встает вопрос о соотношении трех начал: «порока» (его торжество или наказание), «добродетели» (ее «страдание» или «возвеличивание») и «морального урока». Самым важным становится именно последнее, причем подобный «нравственный урок» неизменно выходит на проблему «сострадания» (1, 140).

В оригинальном и до сих пор еще очень фрагментарно исследованном драматургическом наследии Михаила Никитича Муравьева (1757–1807) показательные тенденции русской «слезной драматургии» интересно соотносятся с оригинальным учением писателя о Добродетели.

Внутренняя сущность Добродетели героя может раскрываться в пьесах и драматических отрывках М. Н. Муравьева через мотив Вины, нередко – мнимой, но, тем не менее, вызывающей важнейшее катарсическое чувство Покаяния (13; 2).

Открывает галерею персонажей такой нравственной типологии Дидона в одноименной трагедии начинающего писателя (1771–1772 гг.). Один из ее наиболее программных в этом плане монологов был «перевоплощен» поэтом и в самостоятельную лирическую жанровую форму героиды – «Жалобы Дидоны» (1772?). Сама только тень предположения возможности – не помочь Энею, а погубить его – ужасает несчастную царицу, в итоге чего и рождается из этого мотива «несостоявшейся Вины» определяющий мотив покаяния и жертвенности: «Ах! для чего тебя, в отчаянье пловуща, / Тебя изверженная, надежды не имуща, / ... / Не погружала я опять в шумящий вал? / Мне, мне тебя губить! – я жизнь мою / Еще пожертвую, коль ты спасешься ею...» (7, 90) (курсив мой. – А. П.). Так складывается в сложном психологическом рисунке образ «добродетельного преступника», не совершающего в отношении своей жертвы преступления (если и совершающего определенный моральный проступок, то против воли, по стечению обстоятельств: как король Болеслав в трагедии «Болеслав» по отношению к брату³). В монологе Дидоны прослеживается и еще одна интересная закономерность: Добродетель подобного преступника – в том, что он постоянно жалеет свою «жертву», возвышая и даже сакрализуя ее (вспомним: Эней, глазами влюбленной царицы, – «в отчаянье», «извержен», «лишен надежды»).

В пьесе «Простосердечная, или Сила первой склонности» (1781 – конец 1780-х гг.)⁴ в роли «добродетельного преступника» (во всех вариациях текста), так или иначе, все время оказы-

вается благородный юноша Осан, полюбивший прекрасную девушку, нареченную другому – честному морскому офицеру, другу ее отца. Причем начинает Осан каяться и чувствовать тяжесть вины еще даже до появления самого своего «соперника», офицера Вельсердова, – например: «*В печальном сердце* своем уношу я величайшее наслаждение...» (8, л. 9) (курсив мой. – А. П.). Любопытно, что это – уже ответная реакция на столь же добродетельное покаяние самой девушки – Алины: «Какое преступление в том, чтобы находить какого нибудь любви достойным! ... Ты знаешь сколько мне обхождение твое было приятно...» (Там же) – и тут же при этом: «Но... я все сделаю... я не могу принадлежать тебе... я не хочу ничего иметь..., что может меня сделать менее почтения достойнаго <человека? – зд.: Вельсердова: А.П.>...» (Там же). Не удивительно, что главный «добродетельный преступник» – Осан – дальше и в свою очередь решает наказать себя – сам, поскольку ни Алина, ни Вельсердов столь суровую и жестокую роль на себе брать не хотят, да и не могут: «Я не наслаждаюсь счастьем, как вы. Сердце мое отягчено чувствованием вины – своей. Довольно. Я должен лишиться себя благополучия...» (8, л. 15, об., 16). По-видимому, религиозно-философская кульминация дальнейшего развития этого мотива приходится в этической системе муравьевского творчества на балладу «Болеслав, король польский» (1790-е гг.), где покаяние становится смыслом всей оставшейся жизни для героя: «Ходит в горести глубокой / По обителям святых. / *Предо всеми*, кто б случились, / *Исповедует свой грех*...» (7, 241) (курсив мой. – А. П.).

В «Добродетельной лжи» (1780-е гг.) перед нами, как и в «Простосердечной...» – двое «нарушивших завет Добродетели». Связаны они, однако, теперь уже не каноническими узами любви, а более сложными узами родства. Толчком к бурному течению психологических событий становится убийство Геронтом в поединке некоего оскорбителя его чести: «Вина тому, что я обижен был, / Быв честен ... обиде той отмстил, / С железом я напал на сопостата...» (12, 338). Нравственное прозрение заставляет Геронта одновременно проникнуться состраданием и к убитому (в первом же монологе он именуется к финалу «несчастным») – и, тем более, к безвинно арестованному возлюбленному сестры – Алкандру. От «тревоги» и «смущенья» – к «мученьям» (совести) – и, наконец, к «злым угрызям» (угрызениям совести) в душе: такова стремительная нравственно-психологическая эволюция совершившего преступление. Сестра Геронта – Ангелика, в силу усложнения психологической линии (в сравнении с любовной – здесь не «диалог»: «он – она», а «триада»: «он-1 (брат) – она – он-2 (возлюбленный)»), попадает в еще более непростое положение⁵. Парадоксальным выходом мятущейся героине («Бьется грудь и огонь под пеплом тлит...» (12, 343)) видится утопичная анти-ситуация, в которой Алкандр некогда не полюбил бы ее, а... возненавидел. Роль «нравственного преступника» оказывается, таким неожиданным образом, – спасением: «...зачем меня увидел / А видя уж зачем не ненавидел? / ... зрел своей душой / Почто меня не зрел себе змеей?» (12, 343).

Наиболее высокий идиллический вариант проблемы «добродетельного преступника» представлен в «драматической сказочке» «Доброе дитя». Здесь даже самые крохотные «погрешения против Добра»:

а) Пресекаются в самом себе самим героем, что сразу же «преподносит» ему в жизни какой-нибудь подарок. Проследим комплексно по сюжету. Ванюша не хотел выучить урока, но «перемог себя» – и в награду был взят папенькой на чудесную и поучительную прогулку в городской сад; он же – смутился при похвалах некоей барыни его красоте – но победила добродетельная стыдливость и доброе наставление родителя: мальчику «очень хотелось куклы» (6, 263) – заметим: очень дорогой, за которую г. Тополов готов отдать последние деньги! – но отдает Ванюша эти деньги нуждающемуся старику. Итогом последнего события – и самый приятный «духовный подарок» (восторг всех: от самого нищего и отца – до графини Сияновой и даже разносчика игрушек!) и подарок явный (графиня покупает-таки для пленившего ее «доброе дитяти» дорогую игрушку).

б) Прощаются герою другими, равно как и самим им искупаются в добрых делах и словах. Показателен образ графа Сиянова: сперва не ответив на приветствие Тополовых (заставив их даже заподозрить в нем преступную «гордость»), – он в конце действия «особливо» спешит обратиться к главе этой семьи самым высоким образом: «Имею честь кланяться» (6, 267), заставивший супругу искать его (и даже обратиться за помощью о «сопровождении» к г. Тополову) – в конце он оказывается сам заботливо ее искавшим. Последнее чудесное превращение графа Сиянова – из «заблуждающегося» в почти такого же «философа добродетели», каков Тополов-отец: жене он признается, что «... в восхищении от приключившейся ... радости» и по-доброму поучает ее («Сердце ... будет упражнено приятно чувствительностию...»), а в отце Ванюши и вообще готов видеть своего наставника («Вы найдете во мне *почтателя достоинств...*») (6, 268) (курсив мой – А. П.).

Итак, мы можем заключить, что:

1. «Слезная драматургия» представлена в драматургии М.Н. Муравьева как минимум в трех идейно-жанровых вариациях: трагедийной (от ранней пьесы «Дидона» – к пьесе «Добродетельная ложь»), мелодраматической («Простосердечная...»), идиллической («Доброе дитя»).

2. Герой может быть действительно добродетельным только при своей очень низкой самооценке (формула «видеть свои пороки / недостатки и не замечать достоинств»), это подготавливает интересное открытие Муравьева-драматурга – образ «добродетельного преступника» (Осан, а частью и Алина в «Простосердечной...», Ангелика в пьесе «Добродетельная ложь», в идиллической миниатюре – Ванюша в «сказочке» «Доброе дитя»).

3. Постоянной сюжетной коллизией в пьесах выступает ситуация нравственного выбора, всегда совершаемого героем ради (в пользу) другого (от трагедийной жертвенности Дидоны в одноименной пьесе и порывов Ангелики в «Добродетельной лжи» – до «идиллического подвига» маленького Ванюши в пьесе «Доброе дитя»).

4. Практически во всех случаях или сам ищущий герой осознает, или ему пронизательно подсказывают другие, что главные идеалы человеческой жизни: Надежда и Добродетель. Они могут:

а) превратить все действие пьесы в «праздник Добра» («Доброе дитя»),

б) стать верными ориентирами для героев в обретении счастья («поисковый» вариант – «Простосердечная...»),

в) остаться последним прибежищем в трагической ситуации беды (мелодраматический катарсис в пьесе «Добродетельная ложь»).

Примечания

¹ В контексте драматургических жанров и репертуара русских театров начала XIX века – см. освещение истории вопроса: (9).

² Сравним общую картину закономерностей в книге: Karlinsky S. Russian Drama... (1985) (14)

³ См.: (12, 29–302).

⁴ Первый полный текстологический анализ разных редакций этого произведения – см.: (10).

⁵ Заметим, что в предшествующей традиции русской классицистической трагедии выбирать героине приходилось либо между двумя «любовями» (еще в ранних пьесах А. П. Сумарокова), либо между любовью и долгом, что еще каноничнее (одна из поздних вариаций – «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина). Здесь ситуация сразу ясно осложнена для героини тем, что по вине одного из ее близких *уже* страдает другой.

Литература

1. Булич Н. Н. Сумароков и современная ему литературная критика. СПб., 1854.
2. Бычков В. В. 2000 лет христианской культуры: в 2 т. М., СПб., 1999. Т. 2.
3. Варнеке Б. В. История русского театра. Ч. 1: XVII и XVIII век. Казань, 1908.
4. Владимиров П. В. Начало русского театра... Екатеринбург, 1883.
5. Кочеткова Н. Д. Трагедия и сентиментальная драма начала XIX века // История русской драматургии XVII – первой половины XIX века. Л., 1982. С. 181–220.

6. *Муравьев М. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1819. Ч. 1.
7. *Муравьев М. Н.* Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1967.
8. ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. № 46.
9. *Родина Т. М.* Русское театральное искусство начала XIX века. М., 1961.
10. *Росси Л.* Неизвестная комедия Михаила Муравьева (К проблематике жанровой системы русского сентиментализма) // *A Window on Russia. Papers from the V International Conference...* La Fenice Edizioni, 1996. P. 257–265.
11. *Стенник Ю. В.* Становление жанра сентиментальной драмы в России XVIII века // *Русская драматургия и литературный процесс.* СПб.-Самара, 1991. С. 53–83.
12. *Топоров В. Н.* Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I. М., 2001.
13. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1998. Т. 2.
14. *Karlinsky S.* Russian Drama from its Beginning to the Age of Puschkin. Berkley, Los Angeles, London, 1985.

УДК 821.161.1.09"17"

Г. Ю. Филипповский, В. А. Галанова

*Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
galanova712@yandex.ru*

ИСТОРИКО-ЛЕГЕНДАРНЫЕ МОТИВЫ В РУССКОМ ЭПИКО-ПОЭТИЧЕСКОМ ЖАНРЕ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА

В статье рассматривается ряд историко-легендарных мотивов в художественном творчестве поэтов и писателей эпохи классицизма и русских романтиков.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, М. М. Херасков, Ф. Н. Глинка, жанр, романтизм.

G. Yu. Filippovsky, V. A. Galanova

*UshinskyYaroslavl State Pedagogic University
galanova712@yandex.ru*

HISTORICAL AND LEGENDARY MOTIFS IN THE RUSSIAN EPIC AND POETIC GENRE OF OF ROMANTICISM ERA

The article deals with some historical and legendary motifs in the oeuvre of poets and writers of the era of Classicism and Russian Romanticism.

Keywords: Gavril Derzavin, Mikhail Kheraskov, Fyodor Glinka, genre, romanticism.

Эпические жанры эпохи русского предромантизма непосредственно соприкасаются с традициями позднего классицизма.

Одним из отличительных признаков историко-легендарной традиции русской литературы является тема героя. В эпоху русского классицизма одним из ключевых героических образов стал образ Петра I, фигура историко-легендарного масштаба. Ю. М. Стенник отмечает несколько направлений, формировавших характер изображения облика Петра и соответственно воплощавших разные этапы восприятия русским обществом Петровских реформ, в т. ч. панегирическую, светскую поэтическую традицию. Литературными формами указанного направления были такие поэтические жанры, как торжественная ода, героическая эпопея, эмблематические официальные надписи, а также прозаические «похвальные слова» (4). Расцвет приходится на период классицизма, и основными авторами выступают М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Г. Р. Державин, В. П. Петров. В большинстве случаев традиции классицизма представляют Петра I не самодержцем, а реформатором. Однако при рассмотрении можно заметить и те и другие черты, определяющие легендарный образ монарха.

В России XVIII века одним из предвестников историзма в жанре предромантизма становится поэт М. М. Херасков и его поэма «Россиада». «Россиада» – первая эпическая поэма русской литературы, созданная Михаилом Херасковым по всем канонам классицистского жанра, написанная шестистопным ямбом.